

Владимир Кунин

Иванов и Рабинович,
или «Ай гоу ту Хайфа!»

ФТМ

Владимир Кунин

**Иванов и Рабинович,
или «Ай гоу ту Хайфа!»**

«ФТМ»

1991

Кунин В. В.

Иванов и Рабинович, или «Ай гоу ту Хайфа!» / В. В. Кунин —
«ФТМ», 1991

Одна из самых известных книг Владимира Кунина – ироническая и почти сказочная история Арона Иванова и Васи Рабиновича, не нашедших себе места в Советском Союзе и собравшихся эмигрировать в Израиль на старинной яхте. Правда, в море они выходят впервые в жизни и слабо представляют, что их ждет в пути. Но отчаянная тяга к берегам загадочной Хайфы, крепкая дружба и порой невероятное везение оказываются сильнее штормов, пиратов и даже военных флотов двух сверхдержав.

© Кунин В. В., 1991

© ФТМ, 1991

Содержание

Часть первая	6
Как стать уголовным преступником...	6
Как выходят на свободу...	8
Как ищут место под советским солнцем...	10
Как Рабинович стал Ивановым, а Иванов – Рабиновичем...	12
Как работали и жили Арон Иванов и Василий Рабинович...	13
Как влияет тяжелый физический труд на счастливую семейную жизнь...	14
Как становятся холостяками...	16
Как уберечь себя от соблазнов...	21
Как всегда, великие открытия случайны...	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

**Владимир Кунин
Иванов и Рабинович,
или «Ай гоу ту Хайфа!»**

© Текст. В. В. Кунин, наследники, 2020

© Агентство ФТМ, Лтд., 2020

* * *

Часть первая Иванов и Рабинович

Как стать уголовным преступником...

В тот вечер сорокачетырехлетний Арон Рабинович в рабочей спецовке стоял в пивной за кружкой пива и держал в руке соленого подлещика.

У самой стойки очередь вспухала и скандально пульсировала от напора жаждущих получить пиво без всякой очереди.

– Э, мужики! Ну встаньте вы в очередь. Неужели трудно? Все же стоим, – миролюбиво сказал Арон.

Трое здоровенных молодых парней рассмеялись. Один вздохнул:

– Господи... До каких же пор жида будут в России порядки устанавливать?! Ой, Гитлера нет на вас, сучье племя!..

Арон хозяйственно спрятал подлещика в карман рабочих штанов и ударом в челюсть отправил поклонника гитлеризма в глубокий нокаут.

Двое других бросились на Арона. Но он с ходу воткнул свой огромный кулак в живот одному, а другого просто насадил физиономией на собственное колено.

И тогда в пивной началась генеральная драка...

* * *

У здания районного суда стоял арестантский автофургон.

На другой стороне узенькой улочки – старый, битый «москвич». Около него топталась пышнотелая Ривка – сестра Арона.

Неподалеку от фургона мельтешилась маленькая, ярко накрашенная женщина, не отрываясь смотрела на двери суда.

Милиционеры вывели Арона Рабиновича с подбитым глазом. За ним – худенького блондинчика лет сорока.

– Арончик! – метнулась через улочку Ривка.

– Машину береги. Не гоняй как идиотка, – сказал ей Арон.

– Васечка!.. – крикнула маленькая накрашенная женщина.

– Прощай, Клавочка... – потерянно проговорил блондин.

– Па-а-апрррошу! – зычно пропел старший конвоя.

Арон и блондинчик влезли в фургон. Туда же сели два милиционера. Двери захлопнулись, и «воронок» покатил.

В полусумраке фургона Арон спросил своего соседа:

– Жена провожала?

– Сестра. Клава.

– И меня сестра. Ривка... Тебе сколько дали?

– Два года. С лишением права работать в сфере торговли. А вам?

– Тоже два. По двести шестой. Драка.

– Иванов Василий, – представился блондин.

– Арон Рабинович. Есть возражения?

– Что вы?! У меня лучшие друзья...

– Разговорчики! – рявкнул конвойный.

* * *

И пошла лагерная жизнь Иванова и Рабиновича: утренние и вечерние поверки, работы в каменном карьере, на лесоповале, шмоны-обыски, хождение строем, двухъярусные нары в бараке, вышки с часовыми вокруг зоны...

Зима... Лето... Снова зима. Снова лето...

И во все времена года, в каждый час лагерных суток – Иванов рядом с Рабиновичем. Ну и, конечно, Рабинович всю дорогу – рядом с Ивановым.

Пролетели семьсот тридцать деньков и ночек, и вышли они в один и тот же последний день на свободу. Как говорят в зоне, «на волю»...

Как выходят на свободу...

В специальном помещении с лозунгом «На свободу с чистой совестью!» специальный офицер говорил специальные слова:

– Надеюсь, что пребывание в нашей колонии не прошло для вас даром и вы станете снова полезными членами нашего общества. – Офицер заглянул в документы, освежил в памяти имена Иванова и Рабиновича и добавил: – Так, Василий Петрович и Арон Моисеевич?

– Так точно, гражданин начальник! – хором ответили Арон и Вася.

– Теперь я для вас не гражданин начальник, а товарищ.

– Ну да? – удивился Арон.

– Конечно! Конечно, товарищ! – быстро согласился Иванов.

– Теперь, Арон Моисеевич и Василий Петрович, для вас весь мир – друзья и товарищи! – улыбнулся офицер.

* * *

Разъехались многотонные лагерные ворота с намертво приваренными проржавевшими буквами «СЛАВА КПСС!», и Рабинович с Ивановым оказались на свободе.

И тут же были встречены воплями Клавки и Ривки, вылетевших из стоявшего рядом старенького «москвича».

– Сестреночка!.. – нежно всхлипнул Василий. – Клавочка...

Ривка рванулась к Арону. Но тот остановил ее, обошел старый, расхлябанный «москвич», оглядел его со всех сторон и только потом ласково похлопал Ривку по обширному задку в кургузой юбке:

– Совсем изблядовалась?

– Ой, Арончик... Ну, что ты такое говоришь? Люди же...

– Вовремя мамочка откинула копытца. Она бы твоего вида не перенесла. – И Арон, наконец, поцеловал Ривку.

– Ну правильно! Она была бы в восторге, что тебя в тюрьму посадили на два года, шлемазл! Садись за руль. Твои права в бардачке. А то у меня уже месяца три как доверенность кончилась. Клавочка! Так мы едем к вам или вы к нам?

– Без разницы! – весело крикнула Клавка.

* * *

Поздней ночью на маленькой кухне стандартной двухкомнатной квартиры, после загульного вечера, сильно хмельные Клавка и Вася на правах гостеприимных хозяев мыли посуду.

– Я три года был за ним, как за каменной стеной... – говорил Вася. – Ко мне ни один уголовник приблизиться не мог – в таком он был авторитете... Он мне как брат родной теперь!..

– Жаль, – усмехнулась Клавка. – А я его только собралась трахнуть. Теперь нельзя. Он тебе брат, значит, и мне брат. Жаль...

– Клавка!..

– Чего «Клавка»?! Ты на Ривку глаз положил? А я что, рыжая?

– Дура ты, мать твою...

– В таком случае и твою.

* * *

В комнате пьяный Арон говорил Ривке:

– Я три года был за ним, как за каменной стеной... Голова – Совет министров! Я евреев таких деловых не видел!!! На него вся зона молилась: он и наряды всем закроет, и коэффициент выведет, и ни один зэк в обиде не останется! А если какой «бык» начнет права качать, я ему оттяжку сделаю, и опять все тихо... Мы еще в лагере решили – и на воле друг без друга никуда.

– А он ничего... – сладко потянулась Ривка.

– Ривка! Я тебя умоляю... Вспомни своих хахалей. Ты им всем жизнь искалечила! Наш дом за три квартала обходят. Ваську не трогай!.. Это я тебе говорю – старший и единственный брат. А то я тебе так по жопе надаю – ноги отнимутся!

– Ой, ой, ой, ой. Нужен мне твой Васька. Смотреть не на что.

Под утро все образовалось: в проходной комнате большая Ривка спала с худеньким Васей Ивановым, а в другой комнатке маленькая Клавка уютно посапывала на могучем плече Арона Рабиновича...

Как ищут место под советским солнцем...

На входных дверях большого учреждения – доска:

«СРОЧНО ТРЕБУЮТСЯ...»

...и внизу – перечень двух десятков специальностей.

В отделе кадров строгая женщина с высокой взбитой прической возвращала Васе Иванову его документы:

– С судимостью не берем. Тем более в снабжение. У нас предприятие режимное.

– Было режимное, – мягко поправил ее Вася. – Теперь вы, слава богу, кастрюли штампуете.

– А вы уверены, что только кастрюли? – усмехнулась женщина. – Следующий!

– Автослесарь. – Арон положил на стол свои документы.

– Вот это другое дело! Автослесари нам как воздух!.. – Женщина раскрыла паспорт Арона, прочитала фамилию и имя-отчество и тут же протянула его обратно. – Я и забыла, Арон Моисеевич, автослесарей-то мы уже всех набрали. Следующий!

* * *

В другом отделе кадров молодой человек в желтом галстуке на красной ковбойке говорил Васе Иванову:

– Эх, Василий Петрович! Да была б моя воля!.. Нам снабженцы с таким опытом – во как нужны! Но без судимости. Извини, Иванов. Извини. – И молодой человек повернулся к Арону: – У тебя что?

– Автослесарь я...

– Автослесарь? Давай паспорт!

Внимательно изучил паспорт Арона, покачал головой, бросил паспорт на стол и огорченно сказал:

– Слушай, Рабинович! Ты смеешься надо мной? Я тебя сегодня возьму, а ты завтра уедешь в Израиль?!

– Да не собираюсь я никуда уезжать! – рявкнул Арон.

– Все так говорят. А потом – привет из Тель-Авива! Ты в Средиземном море купаешься, а я со строгачом снова ищу автослесаря!

– Что же ты меня из страны выпихиваешь, сука?! – заревел Арон и потянулся было к молодому человеку, но Вася Иванов, словно фокстерьер, повис на Ароне, приговаривая:

– Арончик!.. Умоляю!.. Вспомни зону, Арон!

* * *

В третьем отделе кадров уже вопил Вася Иванов:

– Но я же отсидел свое! Я же все искупил!..

Шестидесятилетний отставник очень спокойно, отечески говорил:

– Знаю, знаю. Сам двадцать лет в лагерях отработал. Знак почетного чекиста имею. Сколько вашего брата через мои руки прошло!.. И вижу я, что ты хороший человек, – у меня глаз наметан. А инструкция? Раз судимость – не положено.

Он повернулся к Арону:

– Тебе что?

– Автослесарь я. Вот документы...

– А зачем мне твои документы? Я и так вижу, кто ты. Мне лично хоть негр, хоть китаец – все едино. Я интернационалист старой закалки. А наш генеральный директор этого не любит...

– Чего ЭТОГО?! – заорал Василий и бросился на отставника.

Но тут Арон сгреб Васю в охапку и вынес из кабинета:

– Тебе еще один срок нужен, засранец?..

Как Рабинович стал Ивановым, а Иванов – Рабиновичем...

– Я не хочу больше жить в этой стране!!! – бился в истерике сильно поддавший Вася Иванов.

Правда, бился он в могучих руках Ривки, рвался с ее колен, а она прижимала его голову к своей необъятной груди и шептала:

– Ну, Васечка... Ну, мальчик мой... Ну успокойся, детка... Арон! Прекрати жрать водку! Сделай же что-нибудь!.. Что ты сидишь, как говно на именинах?!

– Что я могу сделать? – Арон печально выпил.

– Закуси, зайчик. – Клавка тут же сунула ему бутерброд.

– Я просто не могу больше здесь жить... – заплакал Вася.

– Арон! Ты видишь, в каком он состоянии?! Сделай что-нибудь! – повторила Ривка.

– Что я, простой работяга, могу сделать, если они русского интеллигентного человека довели до того, что он хочет покинуть свою родину?.. – Арон постепенно от печального настроения переходил в зоологическую свирепость. – А я вот в гробу их всех видел в белых тапочках! И хрен им в грызло, вообще никуда отсюда не двинусь! Хотя я и Рабинович!..

– Боже мой!.. – тоненько прокричал Вася. – Если бы я был Рабиновичем!.. Только бы вы меня здесь и видели!..

И тут вдруг Ривка ссадила Васю со своих колен, поставила прямо перед собой и торжественно произнесла:

– Вы просите песен – их есть у меня! Ты хочешь быть Рабиновичем? Нет вопросов. Мы с тобой женимся, ты берешь мою фамилию, я устраиваю всем четверым по вызову, и мы отваливаем отсюда в лучшем виде!

– Ой... – испугался Арон и тревожно посмотрел на Васю.

– Гениально!.. – Вася был потрясен простотой решения.

– А если эти два идиота не захотят ехать с нами, будут прилетать к нам в гости. – Ривка показала на Арона и Клавку. – Сейчас, говорят, это запросто.

Клавка забралась на колени к Арону и нежно прижалась к нему.

– А ты, Арончик, женишься на мне, берешь мою фамилию и становишься Ивановым. Пусть тогда попробуют не взять тебя на работу!..

Как работали и жили Арон Иванов и Василий Рабинович...

Из репродуктора гремит «Свадебный марш» Мендельсона.

Висит простенький прейскурант:

1. Разбортовка колеса – 1 рубль.
2. Заклеить камеру – 1 рубль.
3. Забортовка колеса – 1 рубль.
4. Балансировка – 1 рубль.

Арон и Вася работают в колесной мастерской при кооперативном гараже.

Медленно, со скрежетом проворачивается лежащее на шиномонтажном станке старое колесо. Поддев ломом кромку покрышки, Арон силится отделить ее от проржавевшего диска...

На балансировочном станке быстро вертится второе, уже смонтированное колесо. Вася следит за стрелкой прибора. То остановит станок, пометит мелом, то снова пустит колесо вертеться...

Гремит «Свадебный марш»...

На верстаке вулканизируется сразу несколько камер. А вокруг нагромождение покрышек, рулоны «сырой» резины, погнутые диски, ниппели, грузики для баланса, инструменты, компрессор с огромным манометром, чан с водой для проверки камер...

Около мастерской штук десять автомобилей. Владельцы несут дырявые покрышки и рванные камеры к Арону и Васе, тащат от Васи и Арона уже починенные, залатанные, накачанные...

Вася ведет расчеты с клиентами, складывает трешки и рублевки в большую железную коробку, что-то отмечает в журнале.

У Арона и Васи черные руки, замызганные комбинезоны, мокрые, грязные, изможденные лица. Тяжелая работа...

А над всем этим – Мендельсон. «Свадебный марш»!..

В мастерскую входит председатель гаражного кооператива:

– Рабинович! Тебя жена к телефону!

– Спасибо, шеф! – говорит ему Вася и убегает.

– Арон Моисеевич! Иванов!.. Распишись, что с противопожарной инструкцией ознакомлен. – Председатель протягивает Арону папку.

Арон вытирает руки ветошью, берет карандаш:

– Где?

– А вот – «Иванов А. М.»... Порядок!

Гремит «Свадебный марш» Мендельсона...

Как влияет тяжелый физический труд на счастливую семейную жизнь...

Вечером, умытые и измотанные, ехали с работы. «Москвич» скрипел, стучал, фыркал прогоревшим глушителем.

Вася считал деньги, раскладывал в две кучки на «торпед».

– Один хмырь болотный приволок грузики из Тольятти. Я ему отстегнул полтинник...

– Молодец, – похвалил его Арон.

– Четвертак – вода и электричество за прошлый месяц... Двадцать процентов арендной платы. И червонец я заслал ночным сторожам. Мало ли что!

– Правильно.

– Договорился с шиноремонтным заводом. Будем отдавать им колеса в наварку. Они хотят по тридцатнику, мы будем брать с клиентов по полста. Двадцать наши...

– Здорово.

– Держи. Тебе семьдесят восемь и мне семьдесят восемь.

– И день прошел не зря. – Арон спрятал деньги в карман и остановил машину у дома Василия. – Чего Ривка звонила?

– Сдала в ОВИР все документы. Велели ждать.

– Сколько?

– Тебе-то что? Ты же ехать не собираешься.

– Мне партнера подыскивать нужно. Не Клавку же я поставлю к балансировочному станку! А ты у меня, Васюся, временный.

– А может быть, все-таки... вместе, Арончик? А?..

– Все! Вали. До завтра. Ривке привет!

Вася вышел из машины. Арон отъехал несколько метров, затормозил и сдал назад. Открыл дверцу и крикнул негромко:

– Эй! Рабинович!..

Вася с готовностью повернулся.

– Я слышал, что на израильской границе всех мужиков вместе с паспортом заставляют болт предъявлять. Нет обрезания – поворачивай обратно! Так что готовься, Васька! – заржал Арон и уехал.

Василий посмотрел ему вслед, покачал головой:

– Ну, шлемазл, мать твою! Ну, что с тебя взять, выкрест?!

* * *

После ужина Клавка вышла из ванной в коротком соблазнительном пеньюарчике. В коридоре перед зеркалом опрыскала себя духами, кокетливо распушила волосы и только после этого открыла дверь в комнату:

– Зайчик! Я готова к употреблению!..

На диван-кровати в глубоком и тяжелом сне разметался измученный за день Арон. Его могучий храп вздыбливал тонкие занавески на окнах и заставлял позвякивать подвески на чешской люстре.

– Ты же обещал, зайчик... – растерянно проговорила Клавка. – Ведь столько уже дней...

Чудовищный храп Арона был ей ответом. Клавка опустилась на стул у дверей и горько заплакала...

* * *

Точно в такой же квартире, но на другом конце города, Ривка в постели хлопотала над бесчувственным от усталости Васькой.

– Ну и что? И в чем трагедия? Ну устал мой мальчик... Ну не стоит у маленького! Так сейчас у всех плохо стоит. Даже у иностранцев. А вот мой Васечка отдохнет – мы им всем покажем! Да? Лежи, лежи, котик, не расстраивайся. Я тебе сама все сделаю – в лучшем виде...

Как становятся холостяками...

Снова шиномонтажная мастерская. Вечер.

Снова – дырявые камеры, рваные покрышки, погнутые диски, очередь клиентов с автомобилями...

Грохочет шиномонтажный станок, воеет компрессор. Арон работает один – мокрый, грязный, усталый.

В мастерскую заглянул председатель кооператива:

– Притормози, Иванов.

Арон остановил станок, выключил компрессор.

– А где Рабинович?

– На курсах по изучению языка. Мы же вас предупреждали, что Васяка работает здесь только до отъезда...

– А что, если я его у тебя заберу и сделаю своим замом по производству и экономике?

– Не надо. Он свое уже отсидел.

– Тьфу!.. – Председатель даже перекрестился. – Типун тебе на язык!

– Нет, серьезно, он не пойдет. Он за бугор намылился...

– Ладно... Бог в помощь. – Председатель усмехнулся, покачал головой и удивленно сказал: – Василий Рабинович... Странно звучит, да, Арон Моисеевич?

Арон включил шиномонтажный станок, завел компрессор и прокричал председателю сквозь шум и грохот:

– А то, что я Иванов, – это нормально?..

В подвале старого петербургского дома, под трубами парового отопления и электрическими кабелями, на колченогих стульях, за обшарпанными столами сидели человек пятнадцать будущих эмигрантов и изучали иврит.

Модно одетый молодой человек с еврейско-тореадорской косичкой мелом писал на старенькой школьной доске древние слова... Времени от времени он поворачивался к аудитории, что-то еще говорил вслух, но измочаленный работой Вася сквозь сонную одурь видел только егодвигающийся рот и ничего не слышал.

Иногда Ривка толкала его в бок локтем. Тогда Вася испуганно оглядывался и таращил глаза на школьную доску.

Все вокруг усердно записывали премудрости языка предков.

Каждый раз, когда преподаватель поворачивался к аудитории, он встречал нахальные и зовущие глаза крупной и яркой Ривки. Когда же Ривка медленно и плотоядно облизнула губы и закинула ногу за ногу так, что ее роскошные ляжки открылись до самых трусиков, у молодого преподавателя иврита исчез дар речи и встала дыбом косичка...

* * *

У Русского музея расфуфыренная Ривка говорила расфуфыренной Клавке:

– ...а к нему приехал друг из Стокгольма на своей тачке. Живет в «Астории».

– В «Асторию» я не пойду! – перетрусила Клавка. – Там меня каждая собака знает. Если бы в «Прибалтийскую»...

– Ну, правильно! А я в «Прибалтийской» инкогнито, да?! Повезем к тебе или ко мне, – решительно сказала Ривка.

– Ой, Ривка!.. Подумать страшно! А вдруг...

– Сейчас двенадцать. Раньше восьми наши не вернутся. Уйма времени! Посидим, выпьем, расслабимся...

Подкатил красивый автомобиль с иностранными номерами. Из него выскочил учитель иврита со своей тореадорской косичкой, а из-за руля вылез его иноземный приятель и восхищенно сказал:

– Какие потрясные вомен! Чтоб я так жил, мама мия!..

* * *

Распахнулась дверь шиномонтажной, и в мастерскую вошли председатель кооператива и пожилой старший лейтенант милиции.

– Ребята, это наш новый участковый уполномоченный, – сказал председатель. – Он с вами поговорить хочет.

– Значит, товарищи... Попрошу вас, товарищ Рабинович... – участковый безошибочно обратился к Арону, – И вас, товарищ Иванов, – он посмотрел на Василия, – сроченько привезти мне ваши справки об освобождении из мест заключения.

– Рабинович – это я, – сказал Василий.

– А я Иванов, – сказал Арон.

Участковый справился с недоумением и жестко проговорил:

– Тем более, граждане. Справочки мне ваши сегодня же до семнадцати ноль-ноль.

– Ну, я свою привезу, а Васькина-то вам зачем? Он в гараже не числится, мне помогает, пока ОВИР не даст разрешения на выезд.

– Рабинович у нас не числится!.. – радостно сказал председатель. – У нас по штату вообще один шиномонтажник! Он, так сказать, по договоренности с Ивановым, с Ароном Моисеевичем...

– Короче! – прервал его участковый. – Обе справки чтоб у меня были. Кто из вас Рабинович, а кто Иванов – мне без разницы. Я должен знать, что происходит на моем участке. Социализм – это учет!

* * *

Когда у дома Василия они вылезли из своего жуткого «москвича», там уже стоял роскошный иностранный автомобиль!

– Какая тачка! – восхитился Арон.

– Поедешь с нами в Израиль, и у тебя будет такая же.

– А пошел ты!.. При таких бабках, что мы сейчас с тобой зарабатываем, и здесь прожить можно. А там я пропаду.

Уже поднимаясь по лестнице, Василий говорил:

– Не пропадешь... В Советском Союзе живут двести восемьдесят миллионов человек, а во всем мире – около пяти миллиардов. Значит, четыре миллиарда семьсот двадцать миллионов как-то ведь обходятся без Советского Союза? Не пропадают?

– Я здесь родился и вырос, – упрямо сказал Арон.

– Там хоть гарантировано, что тебе никто не скажет «жидовская морда»... – Вася открыл ключом свою дверь, из-за которой неслась громкая музыка, и нежно улыбнулся. – Тоскует моя лапочка.

Они с Ароном вошли в квартиру и захлопнули за собой дверь.

Спустя мгновение музыка оборвалась, раздался чей-то сдавленный крик, грохот... Было слышно, как разлетелось что-то стеклянное...

А потом с шумом распахнулась дверь, и на лестничную площадку абсолютно голыми были выброшены учитель иврита со иноземным другом. Вслед им полетели части их одежды.

На ходу натягивая штаны, они в ужасе бросились вниз по лестнице, и уже через секунду было слышно, как взревел мощным двигателем замечательный заграничный автомобиль, взвизгнул покрышками и умчался...

* * *

Вечером Арон привез Василия к себе. Еще из «москвича» оба они увидели, как от дома отъезжает грузовик, груженный мебелью, холодильником, телевизором, торшером, гитарой и фикусом.

В широкой кабине рядом с шофером, с видом оскорбленной невинности, сидели Клавка со вздутой губой и Ривка с подбитым глазом.

Вася и Арон переглянулись и стали разгружать «москвич». На свет божий появился потертый Васин чемоданчик, с которым он вышел еще из лагеря, две стопки книг, увязанные бельевой веревкой, и один-единственный костюм на плечиках в прозрачном пластиковом чехле.

На этом разгрузка и закончилась.

– Была без радости любовь, разлука будет без печали... – продекламировал Арон и поволок Васиные вещи.

* * *

В полупустой квартире (Клавка и Ривка умудрились вывезти из нее все что можно!) на кухне шла Большая Мужская Пьянка.

Две бутылки из-под водки были уже пусты, еще одна наполовину опорожнена, и две целехонькие ждали своей очереди...

– Чего им не хватало?! Чего?! – негромко и отчаянно восклицал Вася. – Вламывали мы как папы Карлы!.. От полтинника до стольника каждый день в дом волокли! По пятьдесят колес за смену. Причем заметь, Арончик, мы же были связаны двойными родственными узами...

– Чем?

– Узами. Ну, связями!..

– Как это?

– Объясняю. Клавка была тебе кто? Жена?

– Жена.

– А мне – сестра. Твоя Ривка была мне кто?

– Жена...

– А тебе – сестра! Двойная повязка!!! Мало того! Ривка хочет за бугор – нет вопросов! Клавочка хочет оставаться здесь – да бога ради! Все! Все для них!.. И на тебе! За что?! Почему?!

– Ну, бляди они, Вася! Бляди! А волка сколько ни корми... Ты, кстати, закусывай. Дайка я тебе хлебца намажу...

– Погоди! Давай выпьем. Мы с тобой лагеря прошли... На одних нарах, из одной миски баланду хлебали... Не обижайся, Арон, но твоя сестра Ривка оказалась курвой. Не обижайся...

– И ты, Василий, не обижайся. Я тебя жутко уважаю!.. Я за тебя в зоне мазу держал и на воле никогда не брошу. Но твоя сестра Клава тоже порядочная сука! Извини.

– А я тебя знаешь как уважаю?! Но с сегодняшнего дня у меня нет жены Ривки и сестры Клавки! Я от них отрекаюсь!!! У меня есть только ты, Арончик, и больше мне ни хера не нужно!..

- Дай я тебя поцелую, – прослезился Арон. – Век свободы не видать! И у меня теперь нету никого – только ты, бесценный мой друг Вася, и забил я болт на все на свете!.. Пьем стоя! Оба с трудом поднялись из-за стола, выпили и немножко поплакали друг у друга на плече.
- Все! – сказал Вася. – Все!.. Жизнь продолжается! Надо смотреть в завтрашний день!
- Правильно! – закричал Арон. – Завтра же я приведу пару отличных профурсеток, и мы с тобой такое устроим!..
- Я имею в виду глобальный момент нашего существования.
- Давай выпьем. – Арон открыл четвертую бутылку.
- Наливай. Хорош!.. – Вася поднял стопку. – Теперь, Арон, когда тебя здесь больше ничего не удерживает, ты должен ехать со мной!
- Поехали, – с готовностью согласился Арон. – Шлепнем еще по стопарю и поехали! Только переодеться надо...
- Ты не понял меня, Арон. Мы должны вместе уехать в Израиль.
- Арон выпил водку, неторопливо закусил и тяжело посмотрел на Василия:
- Мне сорок семь, Вася...
- А мне сорок четыре! – прокричал Вася. – И что?
- Мне сорок семь, – упрямо повторил Арон. – И начинать все сначала – без языка, без крыши, без денег...
- Язык – дело наживное. Квартирой и небольшими деньгами обеспечивают всех эмигрантов.
- Да на кой мне хрен эти эмигрантские подачки?! Я всю жизнь вот этими руками!.. И никому никогда обязан не был!
- Не ори. Мы с тобой оформим «статус беженцев»...
- Это еще что за хреновина?
- Ну, вроде мы пострадали от советской власти. В тюрьме сидели...
- Васька! У тебя совесть есть?! Ты вспомни, за что сидели. Я рыло трем дуракам начистил, ты – в своем магазине стройматериалов крутил как хотел. Какие мы беженцы? Чего ты мелешь, страдалец?!
- Я все понял. Ты хочешь дожидаться еврейского погрома!
- Еще посмотрим, кто кого. – И Арон завязал узлом вилку.
- Тогда чего же? Гражданской войны? Так она уже идет! В Армении, в Азербайджане! Узбеки турков режут, туркмены – русских, киргизы – узбеков!.. Завтра президенты наших республик не поделят кусок пирога, и мы будем втянуты в кровавую мясорубку! Тебе обязательно находиться в гуще ИХ событий, идиот?! А может быть, тебе нужен новый Афганистан?!
- Что ты! Что ты?! Васька! Опомнись! – испугался Арон.
- Сегодня страна дает тебе шанс сделать ей ручкой и свалить. А завтра она перекроет границы и объявит, что во всем виноваты евреи, интеллигенты и частные предприниматели... Как же можно не использовать этот шанс? Даже без политики – просто так, из любопытства... Ты же дальше Сестрорецка в своей жизни ничего не видел!
- Почему? – обиделся Арон. – Я в семьдесят девятом был в Кисловодске. Мне от завода путевку давали...
- Тьфу ты, дубина стоеросовая! – сплюнул Василий. – Наливай, Арон Моисеевич Иванов! Наливай, наливай! Я про тебя все понял! Ты просто хочешь бросить меня!
- Я?! Я его хочу бросить! Это ты хочешь бросить меня здесь одного!!! Тебе, видишь ли, ехать присралось, а ты подумал, на что там жить?! Если бы прибыть туда сразу же упакованными, с бабками, я еще подумал бы! А ехать с протянутой рукой – хрен тебе в задницу, чтоб штаны не падали! Я себя не в дровах нашел!..
- Слава те господи! Раскололся!.. Приехать туда в порядке есть сто тысяч способов!.. – обрадовался Василий.

– Знаю я эти способы, уголовная твоя морда! Здесь достать валютку и... сесть по восемьдесят восьмой статье? Или на все наши трудовые бабки закупить бриллианты, а потом, перед таможней, запихивать их себе в жопу? Авось не заглянут! Да я лучше в сортире от стыда повешусь! Я же мужик, едрена вошь!..

– Люди везут иконы, произведения искусства, – уже робко предложил Василий. – Мне говорили...

– Нассы и забудь! Это все контрабанда! А я уже свое отсидел и больше сидеть не собираюсь. И тебе не дам сесть! Хватит!

– А если я найду совершенно законный и легальный способ прибыть туда уже состоятельными людьми, поедешь со мной?

– Если без уголовщины и если верняк – еду! Если нет – следите за рукой! – И Арон, ударив левой ладонью о локтевой сгиб правой руки, показал Василию здоровенный кулак: – Ну, чего смотришь? Наливай, Вася Рабинович!.. Наливай!

Как уберечь себя от соблазнов...

И опять дырявые камеры, рваные покрышки, погнутые диски...

Опять грязь, пот, изнурительная работа, работа, работа...

Через окно шиноремонтной мастерской видны автомобили клиентов.

Подкатила черная «девятка» в спойлерах, наклейках, нашлепках, примочках... На лобовом стекле розовая голозадая куколка.

Вышел из машины джинсовый малый. Рубашка расстегнута до пупа, рукава закатаны. На шее толстая золотая цепь, на левой руке «Ролекс», на правой – золотой браслет. Массивные кольца на пальцах. Вынул пачку «Данхилла», щелкнул зажигалкой...

– Вовка-мажор приехал... Я на минутку... – вдруг засуетился Вася и сбросил рукавицы.

– Учти, Васька! – строго сказал Арон. – Если ты с этим подонком провернешь хоть какой-нибудь гешефт, я вам обоим уши оборву! Не хватает нам еще с жульем дело иметь!.. Мало нам было двух лет...

– Пуганая ворона куста боится!..

– Васька!.. – угрожающе проговорил Арон, но Вася уже выскочил из мастерской и кликнул Вовке-мажору:

– Привет, Вовик!

– Рабинович! Васька!.. – Вовка заржал. – Люди от таких кликух, как черт от ладана, а он сам голову в петлю! Отваливаете?

– Отваливаем, Вовик.

– Да знаю, знаю!.. Поэтому и приехал. Капуста зеленая нужна?

– Почему?

– А то ты цен не знаешь! Четвертак – доллар.

Василий покосился на окно мастерской. Оттуда на него в упор глядел Арон...

– Да нет, Вовик, этого добра у нас как грязи.

– Ну, крутизна!.. – Вовик нервно закурил. – Могу взять по двадцать!

– Лежит – пусть лежит. Есть не просит.

Вовик метнулся к багажнику, поднял его, сунул Рабиновича носом внутрь. Перед глазами Василия предстала выставка икон.

– Там, за бугром, бешеные бабки!.. – жарко шептал Вовик.

– Сколько вот эта?

– Семь тонн – как отдать!

– А вот эта, плохонькая?

– Ну, козел!.. «Плохонькая»! Да это пятнадцатый век, фраер! Двадцать штук, и ни цента меньше! Чем старше, тем дороже... Ретруха в чистом виде!

Василий украдкой оглянулся и увидел, что Арон через окно мастерской показывает ему свой огромный кулак.

– Старик, нам эта шелупонь, честно говоря, до фени, – небрежно проговорил Вася и захлопнул багажник «девятки». – Мы, старичок, настолько серьезно упакованы, что иметь дело с мелочами просто нет смысла.

Но Вовик не мог уехать просто так.

– Есть каналы переправки в обход таможни. За бабки, конечно.

Тут Василий увидел, что на пороге мастерской, занимая собой весь дверной проем, уже стоит грозный Арон.

Вася покровительственно похлопал грязной рукой по джинсовому плечу Вовика:

– На этот счет, Вовик, у нас никакой головной боли, – увидел у заднего стекла яркий иностранный журнал и спросил: – Порнуха?

– Да нет. Так... Для понта. – Вовик совсем скис.

– Дай-ка его сюда, – сказал Вася. – Посмотрим на сон грядущий, что нас ждет в ихней изящной жизни.

Вовик отдал ему журнал.

– Заглядывай, Вовик. – И, помахивая журналом, Вася пошел навстречу Арону. – За работу, Арон Моисеевич! За работу, товарищ Иванов!..

Как всегда, великие открытия случайны...

Ехали с работы домой. Арон сидел за рулем, Вася – рядом. Разглядывал заграничный журнал Вовика-мажора.

Арон раздраженно говорил:

– Ты видел, как у него тачка замарафечена? В каком он сам прикиде? Капусты у него немерено! Валютой фарцует, иконами! И на свободе! Что это, по-твоему?!

– Думаешь, стучит? – Вася лениво перелистнул страницу.

– А ты как думал?! Хорошо, если только в ментовку... А если куда подальше? А ты с ним ля-ля-тополя...

– Арончик! Он нам может только соли на хвост насыпать.

– И насыплет! Так, что ты потом свой хвост будешь лет пять в зоне зализывать!.. Чтоб я тебя больше ни с одним таким марамоем вместе не видел! Если ты, конечно, хочешь жить ТАМ на свободе, а не ЗДЕСЬ в лагере.

Но Вася уже ничего не слышал – сумасшедшими глазами он вглядывался в одну из страниц заграничного журнала, затем посмотрел на Арона и хрипло закричал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.